

С.П. Петрунина

Томский государственный университет

Цетера: функционально-стилевой аспект

Аннотация: В статье с точки зрения происхождения и функционирования исследуются цетерные слова. Отмечается, что по происхождению цетерные слова и выражения могут быть исконно русскими, по сфере употребления могут быть книжными и разговорными.

Ключевые слова: цетера, градационный, присоединительный, несобственно сравнительный ряд, синтагматическая границы, пунктуация, интонация, фразеологизм.

Цетера (от латинского выражения *et cætera* или без диграфа *et cetera* (сокращенно *etc.*) – ‘и прочее’) – группа слов и выражений, употребляющихся в конце перечисления как знак того, что оно может быть продолжено: «*Как приятно будет читать роп в м. ропот, топ в м. Топот*» **и проч.** На сие замечу моему критику, что роп, топ **и проч.** употребляются простолюдинами во многих русских губерниях (А.С. Пушкин. Письмо к издателю «Московского вестника»); *Изучение старинных песен, сказок **и т.п.** необходимо для совершенного знания свойств русского языка* (А.С. Пушкин. Опровержение на критики); *Мы исходим от прусского выходца Радиш $\langle \dots \rangle$ от него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобринцевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы **и другие*** (А.С. Пушкин. Опровержение на критики).

Цетера рассматривается как равноправный компонент сочинительного ряда, показателем чего является наличие перед ней сочинительного союза [Троицкий, 1994, с. 36-43]. Вместе с тем, это особый компонент, который «невозможно отнести ни к однородным членам, ни к частям сложносочиненного предложения, ни к разнофункциональным членам, ни к каким-либо другим уже известным сочинительным компонентам» [Троицкий, 1994, с. 38]. От них цетера «отличается функцией, тремя специфическими значениями (подобия, множественности и местоименности) и специализацией отдельных слов и сочетаний в роли цетеры: *так далее; так далее в этом роде; так далее без конца; так далее, всех не перечесть; так далее до (самой ночи); так далее вплоть до (парфян); так далее – полная (анкета); так далее (стихов пятьдесят); так далее (несколько страниц); так далее в быстро нарастающей степени; так далее, сюда же, конечно, относятся (явления радиоактивности); так далее, исключая (меня); так и далее, так и далее; тэ дэ и тэ пэ; тэ дэ и тэ пэ и др-р и пр-р; так дальше; так без конца; так пока не (наносишь); так все по очереди; дальше и дальше (если бы заглянуть в иные колена); дальше в том же духе; тому подобное; подобные; им подобные; подобные им; другие; другие такие же; другие прочие; много других; много, много других; многие другие; многие, многие другие; еще много других; еще многое другое; много других, подобных им; многое другое; множество других; бесчисленное количество других; десятки других; сотни других; целая галерея других; масса других; сонм других; немало других; ряд других; некоторые другие; немногие другие;*

все другие; все другое; любое другое; никто другой; разные другие; всякие другие; другие подобные; прочее; прочее подобное; прочая, прочая; прочее в этом роде; прочее все; все прочее; все прочее, что сами вы знаете лучше нас; все такое прочее; всякое прочее; тити-мити, то, се, пятое, десятое, разговоры и всякое прочее; прочее такое; иные; всякие иные; остальные; все остальные; иже с ними; etc.; мало ли еще; еще тысячи и миллионы таких же; все такое; еще по-разному; всякие разные; всякая всячина этого рода; всякое такое вот; всякая всячина; много всякой всячины» [Там же, с. 38-39].

На периферии своего функционирования находится цетера в градационных, присоединительных и несобственно сравнительных (с отсутствием характеризующего отношения и обозначающих отнесенность частного к общему) рядах, обнаруживая смысловое и синтаксическое неравноправие:

*Я хотел было продолжать как начал и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и **все прочее** (А.С. Пушкин. Капитанская дочка); Двойки получили Коновалов, Абраменко, Чепкасов, а также **некоторые другие**; На уборку территории не явились не только Котовы, Платонова, Кузнецов, но и **некоторые другие**, от кого я этого не ожидала* (разг. речь). В двух последних примерах цетера прагматична; подобно эвфемизму, она замещает имена, ситуативно нежелательные для произнесения.

В случае пунктуационного обособления цетеры проявляется ее коммуникативное неравноправие в структуре ряда: *Когда-то в Ленинграде было много знаменитостей. Например, Чуковский, Олейников, Зоценко, Хармс, и так далее* (С. Довлатов. Поплиновая рубашка); *Если верить Хемингуэю, бедность – незаменимая школа для писателя. Бедность делает человека зорким. И так далее* (С. Довлатов. Куртка Фернана Леже). О неравноправии членов сочинительного ряда см. в: [Прияткина, 1990, с. 53-58].

Устанавливая синтагматические границы цетеры, Е.Ф. Троицкий отмечает, во-первых, случай ее синтаксической зависимости от обобщающего слова и, во-вторых, тот факт, что сочинительный союз, стоящий перед цетерой (в первую очередь речь идет о союзе *и*), не входит в ее состав, так как 1) ни союз, ни цетера не утрачивают своих значений и не образуют нового компонента значения при соединении друг с другом; 2) возможно бессоюзное соединение цетеры с членами перечислительного (открытого, интонационного) ряда: *Радмила Эмприсс. Прогнозирование и коррекция взаимоотношений, событий, судьбы, снятие негативов, защита от одиночества, разорений, опасностей... привлечение удачи, **прочее*** (реклама); 3) кроме соединительного союза *и* на цетеру «работают» другие сочинительные союзы: *ни... ни; то... то; не то... не то; то ли... то ли; ли... ли; ли... или; или; или... или*, очевидным образом не входящие в ее состав: *Так и ходят эти баржи от своих островов к нашему сказочному пароходу и обратно. И возят ему **то** фрукты, **то** затыкательный материал, **то** лопаты, **то** грабли, **то** вилы, **то** молотки, **то** сети, **то** удочки, **то** крючки, **то** еще чего, но все без толку* (В. Войнович. Сказки для взрослых); *...если мне понадобятся какие-нибудь вещи, вроде парового котла, цилиндров **или** чего-то подобного, я могу смело к нему обращаться* (В. Войнович. Москва 2042); *Пришлите мне гостинец какой-нибудь: **или** лошку, **или** ставец, **или** ино что* (Аввакум. Письмо «отцам Поморским»).

Что касается синтаксической зависимости цетеры от обобщающего слова (например: *Повести Сергея Каледина переводятся в Англии, Франции, **других** странах* (журн.), то она, по мнению Е.Ф. Троицкого, не мешает их признанию двумя разными компонентами сочинительной конструкции, так как сочинительный союз, уместный перед цетерой, перед обобщающим словом невозможен: в таких случаях имеет место не сочинительная, а пояснительная связь – особый вид связи, характеризующийся совмещением признаков сочинения и подчинения и

совпадением семантических объемов поясняемого и поясняющего компонентов. Ср.: ...и запас, и одежда, и книги – **все** растащено (Аввакум. Житие) и *И запас, и одежда, и книги, и все растащено*. Обобщающее слово называет то (или указывает на то), что перечисляется, цетера же – это всегда гипотетическое перечисление.

Возможно параллельное функционирование цетеры и обобщающего слова в рамках пояснительного ряда: *Студент объяснил мне, что холера есть поветрие, что в Индии она поразила не только людей, но и животных и самые растения, что она желтою полоскою стелется вверх по течению рек, что, по мнению некоторых, она зарождается от гнилых плодов и прочее – все*, чем после мы успели наслышаться (А.С. Пушкин. Холера); *Исполком посылал вас с определенной целью – перестроить артель в общественном плане, то есть весь рабочий инвентарь, землю и так далее – все обобществить* (Б. Можжев. Мужики и бабы).

В работах по германистике (на материале английского языка) цетера рассматривается в структуре перечислительного ряда как его эксплицитный континуатор обобщающего (*and so on, and so forth (asf.), and others (a.o.), and all, odds and ends; yada-yada-yada, bla-bla-bla*) и идентифицирующего характера (в последнем случае имеет место зависимость цетеры от обобщающего слова: *and other dangerous authors*), который является фактором стилистической организации текста [Левашова, Смирнов, 1989, с. 104-113].

В лексикографической практике (ТСУ, СО, МАС, БАС) цетерные слова и выражения и *так далее, и тому подобное, и прочее* (с включением в них союза) рассматриваются как фразеологизмы. Есть они и в Словаре служебных сочетаний, эквивалентных слову [Рогожникова, 1983], и в Словаре сокращений русского языка [Словарь сокращений, 1963]. Например, словарная статья в [Рогожникова, 1983]: **И прочее** (на письме обычно сокр.: и проч., и пр.). Употр-ся в конце перечисления как знак того, что оно может быть продолжено. / И все другое, и все подобное.

Фразеологизации цетеры способствуют следующие факторы:

1. Регулярное употребление в одной и той же синтаксической позиции: в качестве последнего члена перечислительного ряда. Впрочем, используется цетера и как показатель прерванности текста вне ряда (часто при цитации):

Обвиняли ее (поэму «Руслан и Людмила») в безнравственности, за некоторые слегка сладострастные описания, за стихи, мною выпущенные во втором издании: О страшный вид! Волиебник хилый / Ласкает сморщенной рукой etc. (А.С. Пушкин. Опровержение на критики); *Я, идучи, говорю: «Не надейтесь на князя, на сыны человеческия, в них же несть спасения», и прочая* (Аввакум. Житие); *Говорит, что он вырастил этого осьминога. / Как протест против общества. Раньше была семья, / но жена и т.д. И ему ничего иного / не осталось...* (И. Бродский. Новый Жюль Верн); *Если правда, что Чехов с Толстым говорили впервые в пруду... / «Ваш рассказ» – и нырок – «про жену и другой, / Про собаку» – нырок – «хороши, а досадно чуть-чуть, / Что нет общей идеи...» – «Простите, вам слепень на грудь / Собирается сесть...» и так далее* (А. Кушнер. «Если правда...»).

2. Частое функционирование в границах единой синтагмы. Имеем в виду как а) случаи пунктуационного и интонационного выделения цетеры, так и б) отсутствие запятой при ее повторении:

а) *Не они* (издатель и сотрудники «Литературной газеты») *поминутно находят одно выражение бурлацким, другое мужицким, третье неприличным для дамских ушей, и т.п.* (А.С. Пушкин. Опровержение на критики); *Иной говорит: какое дело критику или читателю, хороши ли я собой или дурен, старинный ли дворянин или из разночинцев, добр ли или зол, ползаю ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь, играю ли я в карты, и тому под.* (Там же); (о Т.Н. Грановском): *Портретики. Мемуарчики (и т.д. в этом роде)* (Ф.М. Достоевский).

Бесы. Подготовительные материалы); *Да светит солнце в темноте! / Горите, звезды, ночью! / Да здравствуют и те, и те – / и все иные прочие!* (В. Маяковский. Схема смеха); *Бабочки Северной Англии пляшут над лебедю / под кирпичной стеной мертвой фабрики. За средю / наступает четверг, и т.д. Небо пышет жаром* (И. Бродский. В Англии); *В мраморе есть хрупкие слои, затвердения, трещины. Есть прочные фактурные сгустки. (Что-то вроде древесных сучков.) Есть многочисленные вкрапления иной породы. И так далее* (С. Довлатов. Номенклатурные полуботинки); *Пили самогон с жителями литовских деревень, водку с уголовниками, ночевали в хуторах на сеновале – и так далее* (А. Сопровский. Письма Татьяне Полетаевой); *Я тебя люблю, и если бы я тебя не любил, ты бы мелочности моей (и проч.) не видела* (А. Сопровский. Там же); ... предметом интереса в XVIII столетии становятся археологические памятники, произведения народной культуры, обстоятельные описания путешественниками культур отдаленных неевропейских стран, данные о различных языках, и т.д. (Культурология под ред. Г.В. Драча); *Используется этот термин и для характеристики уровня развития какого-либо явления (культура производства, культура голоса у певцов, и т.п.)* (там же); *Специфика системных отношений деривационно связанных слов в настоящем исследовании раскрывается через понятие семантического расстояния, понимание которого подготовлено целым рядом исследований* (А. Вежбицкая, Н.Д. Голев, И.А. Мельчук, А.И. Новиков, Е.И. Ярославцева, Н.В. Семенова, И.А. Смирнова, И.С. Улханов, и др.) (из автореферата диссертации).

б) Он (стихотворец) находил в них слишком много притязаний, у одних на колкость ума, у других на пылкость воображения, у третьих на чувствительность, у четвертых на меланхолию, на разочарованность, на глубокомыслие, на филантропию, на мизантропию, иронию и проч. и проч. (А.С. Пушкин. Отрывок); *Что же касается до того, как вознаградить эту сумму, как внести ее сполна, вы имеете полное право данную и прилагаемую мною при сем доверенностью продать следующее мне имение, часть или все, заложить его, подарить и проч. и проч.* (Н.В. Гоголь. Письма); *Особая выразительность достигается объединением клише новояза с жаргонизмами. Вот характерный отрывок из статьи В. Боллохова («Члена Союза Российских писак»): Воры в законе! Урки и блатяки! Жиганы и шпанюки! И т.д. и т.п.* (Е.А. Земская. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества); *Подробный каталог этих писем издан лет двадцать назад Соцэкгизом, и содержание многих из них формулируется такими словами: «Благодарность за полученные от Чехова деньги», «Благодарность за содействие в получении службы», «Благодарность за хлопоты о паспорте». И т.д. и т.д.* (К. Чуковский, пример Е.Ф. Троицкого).

Ср.: *Кстати (простите за отступление), премиленькая вышла бы статейка, если кто-нибудь из наших фельетонистов взял на себя труд рассказать все сюжеты таких комедий, повестей, пословиц и проч., и проч. <...> Ну что бы, например, могли сказать они человеку, приехавшему бог знает откуда и который бы им вдруг объявил, что они отстали, что свет уже теперь на востоке, что спасение не в legion d'hopneur'e, и так далее, и так далее в этом роде* (Ф.М. Достоевский. Ряд статей о русской литературе); *А изучая литературу, мы не исследуем производений изобразительного искусства, не заглядываем в исторические сочинения и пр., и пр.* (Д.С. Лихачев. «Нецеховое литературоведение?»); *Радикально повысилось количество телеканалов, идеологическая реклама уступила первенство рекламе товаров и услуг, ассортимент и качество собственно услуг тоже заметно отличаются от «ненавязчивого советского сервиса» и т.д., и т.п.* (С. Файбисович. Один год); *А что это была за эпоха, и что за люди ее делали? Это были: тот же Державин, скакавший на коне от Пугачева, Потемкин, осаждавший Очаков; Румянцев («Румянцова победам»), – и так далее, и тому*

подобное (А. Сопровский. Письма Татьяне Полетаевой).

3. Подвижность союза и его интерпозиция: *так и далее, так и дальше*:

Берем пробирочку, приливаем щелочь, да, приливаем кислоту, добавляем катализатор H_2SO_4 , так, сульфат меди это у нас, так и далее. Что это у нас получается? Запишем, да, в тетрабочку; «Мальчишек радостный народ коньками звучно режет лед...» э-э-э... ну, так и далее, знаете же? Пушкин это, «Евгений Онегин» (разг. речь).

4. Уникальность формы: средний род единственного числа *и прочее*; *и другое*; *и иное*; *и остальное*; *и подобное* и множественное число *и прочие*; *и другие*; *и иные*; *и остальные*; *и подобные*. Внесистемность формы приводит к тому, что парадигматические связи заменяются синтагматическими, «прописывая» цетеру в перечислительном ряду.

В продолжение разговора о фразеологичности цетеры рассмотрим ее функционально-стилевой аспект. По характеру функционирования цетерные слова и выражения, как и «знаменательные» фразеологизмы, могут быть активными и пассивными. Ср. *и прочее (и прочие)* и грамматические *и прочая (и протчая)*, *и прочие* архаизмы:

– *В Эрмитаже были?* – *Нет еще. А где это?* – *Это где картины, сувениры и прочее. А раньше там жили цари* (С. Довлатов. Креповые финские носки); *Надо отдать должное – молод был душой. В этом смысле он, пожалуй, всем им мог дать фору – по части жизнелюбия и прочего* (Е. Шкловский. Аквариум); *Во-первых, это Демократичность. Она же – Общедоступность, Свобода и прочее* (В. Елистратов. О пользе идеализма в образовании) – и

Татьяна в оглавлении кратком / Находит азбучным порядком / Слова: бор, буря, ведьма, ель / Еж, мрак, мосток, медведь, метель / И прочая (А.С. Пушкин. Евгений Онегин); *На скромную твою Помпею / обрушивается мой Везувий / забвения: обид, безумий, / перемещения в пространстве, азий, / европ, обязанностей, прочих связей / и чувств, гонимых на убой оравой / дней, лет и прочая* (И. Бродский. «Я позабыл тебя, но помню штукатурку...»); *Примеры я привел более неожиданные, чем можно было бы, выстроив длинейший ряд из Бунина, Ив. Вольнова, Н. Родионова («Наше преступление») и прочая* (С. Боровиков. «Руси веселие есть пити, не можем без того и бытия»); *И почитаем крест Христов с возглавием на престоле, на просвирах, и на церкви на главе и прочая* (Аввакум. Из «Книги бесед»); *В ней же бе, щепоти (трехперстной), тайна тайнам сокровенная: змий, зверь и лжепророк, сиречь: змий – дьявол, а зверь – царь лукавый, а лжепророк – папез Римский и прочии подобни им* (Аввакум. Послание Сибирской «братии»); *А во иной книге, в Богослове Григория, и протчих, Ивана Дамаскина, слово и речь Евангельская о Иосифе* (Аввакум. Послание «отцу» Ионе); *Книгу святую собрал от святого писания протопоп Аввакум на крестоборную ересь никониянскую и на протчая их коби* (Аввакум. Из «Книги бесед»); *Ты, дедушка, все точишь из яшмы, из сердолика и протча* (Маленькие сказки Юрия Гальцева). В последнем примере стяженная форма (*протча*) стилизует народно-разговорную речь.

В синонимическом ряду *и другое (и другие)* – *и прочее (и прочие)* последние, в свою очередь, являются устарелыми.

По происхождению цетерные слова и выражения могут быть исконно русскими (*и так далее, и тому подобное, и другое, и прочее*) и заимствованными, например *иже с ними* из старославянского, *tutti frutti* – «всякая всячина», *tutti quanti* – «все прочие» из итальянского (Позже всех прибежали русские естественные ученые, иные даже – с других островов: г-да Сеченов, Менделеев, Бекетов, Бутлеров и *tutti quanti* (Ф.М. Достоевский. Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова и его друга), *et alii (et al.)* – «и другие», *et cétera* из латинского языков.

Заимствованный из латыни галлицизм *et ceterá (etc.)*, естественный в текстах

XIX в. как примета культурного двуязычия русского дворянства, в современных постмодернистских текстах (так же как и латинизм) выглядит реставрированным архаизмом, отвечающим логоцентрической эстетике постмодерна, который раскапывает вербальные слои древности, чтобы дать слову вторую жизнь, наполнить его новым смыслом, и создать переключку времен, контраст и игру стилей. Ср. пушкинские и постмодернистские тексты:

Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль / Увидеть мне Филлиду эту, / Предмет и мыслей, и пера, / И слез, и рифм et cetera? (А.С. Пушкин. Евгений Онегин); *Это хи хи показалось видно столь затейливым, что его перепечатали с большой похвалой в «Северной пчеле»: «хи хи», как весьма остроумно было сказано в «Вестнике Европы» etc.* (А.С. Пушкин. Опровержение на критики); *У одного из них (критиков) есть 15-летняя племянница, у другого 15-летняя знакомая – и все, что по благоусмотрению родителей еще не дозволяется им читать, провозглашено неприличным, безнравственным, похабным etc!* как будто литература и существует только для 16-летних девишек! (А.С. Пушкин. Опровержение на критики); *Он (Будри, профессор словесности в Царскосельском лицее) рассказывал также многое о его (своем брате) добродушии, любви к родственникам etc. etc.* (А.С. Пушкин. Table-talk) – и

Вздохая о своих пенатах / в растительных мотивах, etc., / ты – более для сверхпернатых / существ насест (И. Бродский. Архитектура); *Бабы тульские, смоленские, рязанские, etc, жрали белую горькую жидкость* (Н. Рубанова. Люди сверху, люди снизу); *А как черенмесяц-белснег прошел, заскучала, затосковала, сон рассказывать побежала: «Друг сердечный!» – только ни печки, ни et cetera* (Н. Рубанова. Патология короткого рассказа.); *Оделась. Смотрит – костыли-скоороходы. Значит, не сон, думает? Не сон и... et cetera* (Н. Рубанова. Там же); *«Представляешь, сколько эта дура, – Наташка кивнула на банку, – стоит? – Я не представлял. – Как думаешь, сколько там бриллиантов? Это контрабанда, я тебе точно говорю!» – et cetera, et cetera, et cetera* (Н. Рубанова. Короткометражные чувства); *Ломовики и трактора, / И мастера, и мистера, / Солдаты, мальчики, собаки со двора – / В огне, оружии et cetera* (Алиса Тэсс, <http://www.stihi.ru/poems/2006/09/23-1219.html>).

Реставрированным архаизмом выглядит et cetera и в городском ономастике, например в названии театра Александра Калягина «Et cetera»¹. Урбоним органично переключается с полистилистикой, поликодностью и неоднозначностью интерпретаций постановок театра.

Если et cetera является архаизмом, то цетерные слова и выражения, заимствованные из английского языка, скорее, неологизмы, характерные для молодежного сленга: *Даи, ну сходим в кафешку and so on?*; *Да все поедут: и Славян, и Женька and others*; *Хай, Пузик and others*; *Все, как люди, что поприличнее покупают, а ты – чай «Камасутра» and so on.* Появляются они и в современных художественных текстах, выполняя в них различные стилистические функции, в первую очередь характерологическую: *Вот именно. А еще говорите про какую-то духовность. Это еще ладно. Вы, русские, при этом постоянно твердите про бездуховность Запада. Про его оголтелый материализм, and so on* (англичанка Мюс в романе В. Пелевина «Числа»); *Итак, Аня, Он, сам Армен Григорян и not only что-то предвкушали* (Н. Рубанова. Люди сверху, люди снизу).

По сфере употребления цетерные слова и выражения могут быть книжными и разговорными. Они употребляются во всех разновидностях книжного стиля. В научном стиле цетера созвучна присущей ему каталогизации фактов:

Собственно к лирическим произведениям относят стихотворение, оду, балладу, сонет и т.п., к эпическим принадлежат рассказ, повесть, роман и т.п., а к

¹ См. также обыгрывание цетеры в идеониме «*dt и т.д.*» – название Живого Журнала, принадлежащего пользователю по имени Дмитрий Тельнов.

драматическим – комедия, трагедия, шутка **и т.п.** (К.А. Филиппов. Лингвистика текста); Умение понимать древнюю русскую литературу открывает перед нами завесу над другими не менее сложными эстетическими системами литератур – скажем, европейского средневековья, средневековья Азии **и пр.** (Д.С. Лихачев. Об общественной ответственности литературоведения); Следует еще отметить, что действие очерка Л. Толстого не только разворачивается на фоне чаепитий, еды борща **и пр.**, но и на фоне карточной игры и ее «последствий», нужды в деньгах, лихоимства «величественных» обозных офицеров **и пр.** (Д.С. Лихачев. «Ложная» этическая оценка у Н.С. Лескова).

В целом, в научном тексте корректно употребление «каталогизирующей» цетеры в его иллюстративной части. Именно таковы, например, экземплификации В.В. Виноградова, составляющие особенность его идиостиля:

*Кроме того, суффикс -ин(а) этимологически выделяется в нескольких небольших семантических сериях слов (например: рябина, крушина, смородина, маслина **и т.п.**; ср.: калина, малина; плотина, долина, равнина **и т.п.**; впадина, рывтина, промоина, перекладина **и т.п.**) (В.В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове); Непродуктивный суффикс -ц(а) с уменьшительным значением, присоединяющийся к основам на мягкий согласный типа пыль, лень **и т.п.**: пыльца, крепостца, рысца, дверца, грязца **и подобные**, также к словам на -от(а): краснотца, с грязнотцой **и др.** (В.В. Виноградов. Там же).*

Цетера делает научный стиль сжатым, информационно емким и компактным, позволяя избегать повторений уже перечисленного: *Ребенок видит себя **принцем, или отцом, или злой ведьмой, или тигром**. При этом он испытывает такую степень восторга, которая совершенно роднит его с мыслью, что он взаправду **принц и т.д.**, хотя «обыденная» реальность при этом не вытесняется полностью из сознания (Й. Хейзинга. Homo Ludens в пер. В.В. Ошиса). В этом случае она является внутритекстовым дейктиком и пополняет список анафорических средств.*

В официально-деловом стиле цетера соответствует стандартизованности, клишированности и, так же как в научном стиле, лаконичности текста. Для официально-деловых текстов характерно частое цепочечное нанизывание цетер в их сокращенном виде; например, инструкция по применению: *Масло смазочное бытовое. Предназначено для смазывания швейных, вязальных **и других** бытовых **машин**, дверных замков, петель **и т.п.***; библиографическое описание книги: *Русский язык в 2 ч. / Л.Л. Касаткин **и др.**; Под ред. Л.Ю. Максимова. – М., 1989. – Ч. 1 – или внутритекстовая ссылка на источник и ее повторение в списке литературы: Касаткин **и др.** 1991 – Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант. Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1991; Георгиев В.И. **etc.** 1968 – Георгиев В.И., Журавлев В.К., Филин Ф.П., Стойков С.И. Общеславянское значение проблемы аканья. София, 1968. То же в публицистическом стиле, например в рекламных текстах, где цетера способствует сжатой форме подачи информации о товарах или услугах (репрезентативная функция рекламы) и убеждает потребителя – с целью совершения действия – в широких возможностях фирмы/организации через не только названное, но и не названное множество рекламируемого (воздействующая функция): *Учебный центр «Академия» помогает вам в выполнении: контрольных, курсовых, дипломных **и др. работ**; решение задач; репетиторство; перевод текста; чертежи; распечатка; набор текста **и др.** Чертежи от 50 р., контрольные от 200 р.; курсовые от 400 р.; задачи: химия от 15 р., математика **и др.** от 20 р. Приглашаем на работу преподавателей, студентов (4 и 5 курс). Ул. Дружбы, 39 (здание «Пентагон», напротив «Универсама»), офис 821 (8 эт. – из лифта направо...).**

Появившись в книжном стиле и «обитая» в нем в полном и в сокращенном вариантах, цетера активно используется в разговорной речи [Петрунина, 2006].

Разговорными являются произносимые *и тэ дэ; и тэ пэ; и тэ дэ и тэ пэ; и дэрэ; и пэрэ; и дэрэ и пэрэ; и пэ рэ сэ тэ е ё ка лэ мэ нэ* (в последнем случае в игровые экзерсисы с алфавитом включен эвфемизм, заменяющий бранные выражения): – *Что скажешь, Ольга, получим мы двадцать процентов «Дельтанефти»? – Для Сааведры? – Для него. – Через Рахманевича? – Не только. ГКИ, госкомнедра – и тэ-дэ, и тэ-пэ* (Г. Старостенко. Прозелит); *Денег дашь – и тэ дэ и тэ пэ* (Г. Старостенко. Там же). Языковая игра с цетерой, характерная для разговорной речи, проявляется и в прочих «кодах», порой рифмующихся с цетерой: *и тэ дэ и тэ пэ – будем мы в Караганде, и тэ дэ и тэ пэ – побывали мы везде; и так далее – едем мы в Австралию, и так далее – побывали в Дании; и прочее – еще вам наворочаем; Бесконечно, всегда по кругу, прыгает он* (текст) *по кочкам букв: от «А» до «Я», от «Я» до «А» – и так далее, и тому подобное, продолжение в следующем номере* (Н. Рубанова. Люди сверху, люди снизу); *Первый тусклый класс сменился следующим тусклым классом, и еще, и так далее, см. на обороте...* (Н. Рубанова. Там же); *В рамках этой логики «Мастер и Маргарита» должен устаревать со скоростью декабрьского номера журнала «Vogue» за 2005 год, быстро уступая место «Золотому теленку», «Доктору Живаго», «Казусу Кукоцкого» и далее по программе* (О. Богуславская. «Мастер и Маргарита». Исполняется впервые); *Ну да, конечно, самая обаятельная, привлекательная и далее по списку, да?* (разг. речь)

Чертой разговорности является разрыв перечислительного ряда цетерой и его продолжение после нее вследствие свободного порядка слов, ассоциативного характера мысли и спонтанности устного речевого акта: *А во иной книге, в Божеслове Григория, и протчих, Ивана Дамаскина, слово и речь Евангельская о Иосифе* (Аввакум. Послание «отцу» Ионе); *А скота, овец и быков и протчих, и масла, и круп, числа нет* (Аввакум. Из «Книги бесед»); *В этом доме кто только не бывал: и Андрей Тарковский, Максим Шостакович, Никита Михалков и многие другие, и Высоцкий, конечно же, и многие другие* (Николай Бурляев. Колокол Николая Бурляева).

Для разговорной речи характерно употребление цетеры при одном члене сочинительного ряда. В этом случае перечисления нет, цетера десемантизируется, теряя значение множественности, вместе с тем с ее помощью восстанавливается ритмомелодия разговорной фразы с перечислительным рядом, в котором обычно два члена ряда: *Елена Николаевна отличный специалист и так далее, и поэтому, конечно же, нужно ее рекомендовать* (к переизбранью); *Я выбила материальные поощрения и так далее, пятьсот за первое место; Подготовим материалы и так далее и будем проводить* (олимпиаду).

То же в художественных, публицистических и даже научных текстах:

Мы же держим отец святых предание – Мелетия и протчих – неизменно (Аввакум. Житие); *...и вы по нужде малые потребности исполняйте им, молитвы и прочая, а причащатца не подобает ему, обеден служить только* (Аввакум. Послание Борису и «прочим рабам Бога вышняго»); *Прадед мой был женат на меньшей дочери адмирала графа Головина, первого в России андреевского кавалера и проч.* (А.С. Пушкин. Опровержение на критики); *«Что звук пустой» вместо подобно звуку, как звук. – В поле etc. Частица «что» вместо грубого «как» употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии столь чистом, приятном* (А.С. Пушкин. Возражение на статью «Атеня»); *...Знаешь, на свете есть / вещи, предметы, между собой столь тесно/ связанные, что, норovia прослыть / подлинно матерью и т.д. и т.п., природа/ могла бы сделать еще один шаг и слить / их воедино* (И. Бродский. Элегия); *...в Москве Лева о водке и прочем, сопутствующем выпивке, скоро позабыл* (С. Каледин. Коридор); *Лена говорила, что он очень больной человек, но просто не показывает виду, а на самом деле едва ли не каждый год по полмесяца проводит в больнице (сердце и всякое)*

(Е. Шкловский. Аквариум); *В созданном по его (герцога Норфолкского) инициативе стиле Arundelian он начал строить некоторые архитектурные сооружения, называя их именами деятелей американской революции: Джефферсон и пр.* (Д.С. Лихачев. Контрапункт стилей как особенность искусств).

Еще одна особенность цетеры в разговорной речи – ее употребление с обобщающими словами, являющимися семантическими примитивами [Лукин, 1990] или кванторами всеобщности, то есть словами с широкой понятийной основой, которые «обозначают некий общий признак, присущий огромному числу предметов» [Уфимцева, 1974, с. 109]: *и прочие/все дела, делишки, и всякие штуки, штуkenции, вещи, вещенции* и под. В их число входят также повторы-отзвучия [Янко-Триницкая, 1968, с. 48-52; Хроленко, 1972, с. 31-35; Гугунава, 2006, с. 46-49]: *и всякие штуки-дрыки, вещенции-штуkenции*. Например:

...знаешь, мне уже сто лет, склероз, маразм и всякие такие вещи, а к тому же и в молодости некоторые люди считали меня дураком (В. Войнович. Москва 2042); *Наши писатели тоже описывали жизнь вождей или движение всяких промышленных или сельскохозяйственных механизмов, но все же некоторые ухитрились писать разные романы или поэмы о любви, природе и всяких таких вещах* (В. Войнович, там же); *Поп, урядник – сивуха течет по усам, / с ним – петля и прочие вещи. / Между ними – царь самодержец сам. / За царем – кулак да помещик* (В. Маяковский. Сказка о дезертире, устройшемся недурненько, и о том, какая судьба постигла его самого и семью шкурника); *И Лева сделал мне предложение. Я немедленно согласилась, потому что в моей душе тоже был кризис жанра: трагическая любовь, там, всякие дела...* (Гриша Брускин. Из книги «Подробности письмом»).

Как правило, примитивы экспрессивны, эмоционально окрашены (чаще негативно): *и прочая канитель, дребедень, ерунда, ерундень, бредни, ужастики*. Например: *Этому-то нехристи американские и учат детишек с малолетства в компьютерных играх про звездные войны и прочую муру* (Г. Старостенко. Прозелит); *Ну если в диктантах у них по двадцать ошибок и прочие ужастики, тоже зачет?; Курс слабейший, у них гетман – имя, Мазепа – фамилия и прочие бредни; Сколько можно слушать эти вяки и прочую дребедень?; Да расстанься ты с этой юбкой и прочим барахлом!*

Обобщающие слова при цетере – это не только семантические примитивы, но и окказионализмы, меняющие значение «под давлением синтаксиса на семантику» (Ю.Д. Апресян) (*Денег не дают, выходных нет и прочие карбюраторы; Опять развела нитье и прочие фуги* (разг. речь), и разного рода креатуры (*Пирогги во всю лопату стряпали с изюмом, кашу, шундур-мундур всякий; А маленькато, ну вся в мать! Насдеват серёжки и всяки чики-брики, фыр-фыр!* (ДР).

Обобщающие слова при цетере имеют возрастные, социальные, профессиональные и территориальные ограничения в употреблении. Например:

(молодежн.) *фигня, бодяга, ботва* и др.: *Не трогайте мою тему* (на Интернет-форуме), *для этого есть мыло* (т.е. e-mail), *приват* (т.е. приватные сообщения) *и вся ботва*; *Ну, там, в Писаницу* (музей-заповедник в Кемеровской области) *пойдем и еще какая-то фигня*;

(проф.) *карбюраторы, фуги, еры* и др.: *Денег не дают, выходных нет и прочие карбюраторы; Опять развела нитье и прочие фуги; Да десять лет уже слушаю матюгну и прочие еры*.

(диалектн.) *рвань-дрань, рваньё-драньё, холера, мелузга, мурашка* (мелкая рыба), *гнус, язва, готоджа, хряпа* (порубленные овощи и ботва для корма свиней), *всячина, шильце-мыльце* (мелкие товары), *шундор-мундор, шундур-мундур* (всякая всячина) и др.: *Волки, медведи, рыси, лоси – холера всяка была; Ситец был, сатинец, щас-то шелковое да всяка язва, раньше такого не было; Пирогги во всю лопату стряпали с изюмом, кашу, шундур-мундур всякий; Нитки, платки*

покупали **и всяко шильце-мыльце**; Ботвиньё, и картошку, **и всяку хряпу** им (свиньям) даём; Пескаршика, и ельчишка, **и всяка мурашка** идёт (примеры взяты из: Среднеобский словарь (Дополнение) / Под ред. В.В. Палагиной. Томск, 1983. Ч. 1; 1986. Ч. 2.);

(просторечн.) мелкота, мелочь, черепушки, хренушки, хрень, жрань, жрать, змеи и др.: У Пети глисты-млисты **и всякая хрень**, а она ему: «На ягодку, на!»; Ешьте, ребятишки, конфетки, печенюшки **и всякие хренушки**; И капусту, и морковку, и свеколку, **и всех змеёв** в суп побросала.

Разговорная цетера при обобщающем слове изменяет его семантический объем, превращая гипоним (согипонимы) в гипероним, например: В огороде я чё сушу? Спорыш, мокрец к коленкам припариваю, **да всяку лебеду**, ромашка, да чистотел, да... (лебеду в значении лекарственные травы); – А что у Вас в салате? – Да чё? Капуста, лук, перец, **да всяка моркошка** ('овоци'); Таньку выдавали, увсех повидала – Кольку, да Саньку повидала, **да всех братьёв-зятьёв** ('родственников'). То же у В. Маяковского в «Стихах о советском паспорте»: И, не повернув / головы кочан / и чувств / никаких не изведав, / берут, / не моргнув, / паспорта датчан / **и разных / прочих / шведов** (шведов в значении иностранцев, скандинавов).

Изменения семантической структуры обобщающего слова при цетере обусловлены также процессами деонимизации и наведения семы: Учим дураков, середняков, **всяких Ганичкиных-Маничкиных**; Чевой-то я буду в свой погреб всяких пускать? Давайте и соседей, и родственников, **и всяких Ивановых-Петровых!** То же у В. Пьецуха («С точки зрения флейты»): ...Со мною начали совершаться разные малопонятные вещи. У меня появилась привычка просыпаться посреди ночи, внезапно стали ни с того ни с сего останавливаться часы, а в меланхолические минуты мне явственно слышались голоса, отдаленная музыка, перешептывание **и другая «шотландия»**.

В устной спонтанной коммуникации ряд цетер активно пополняется за счет различных частей речи: **и тьма, и вообще, и всё, то-сё, и да-да-да** с экспрессивным повтором частицы:

На участке (садовом) всякой твари по паре: **и колорадский жук**, откуда взялись, **и тьма**; Медалисты в этом году **и в сорок четвертой школе, и в семьдесят второй, и в пятьдесят третьей, и в девяносто третьей, и тьмы и тьмы и тьмы**; Задразнил меня Марик вконец: **и работа бабья, и халат, и вообще...** (С. Каледин. Смирненное кладбище); Пойдем прошивырнемся по шоссе, газировочки напьемся **и вообще**; Я сюда на двух электричках добираюсь, **и всё**. Чего же мне за шестьдесят продавать?; У меня давление, **и всё**, а вы орете без конца; Как так – отключили воду без объявления, **без всего**; Поставь себе спутниковое телевидение: там «Культура» **и всё такое**; Тренер с ними работает на полную, в походы их таскает, на природу, там и тренирует, выносливость, **то-се...** (Е. Шкловский. Аквариум); Жила там балерина... У нее на стенах тарелочки **и да-да-да...** (то есть прочий антиквариат) (Л. Гурченко. «На ночь глядя» от 03.07.2006). Последний случай близок к использованию песенной речи в роли цетеры: **ла-ла-ла, ля-ля-ля, тра-та-та** (как правило, в пересказе чужой речи); Елена Александровна, дорогая, **и ля-ля-ля**, в отпуск только зимой; Часы сокращаются, детей мало, **и ля-ля-ля**; Класс, говорит, расформируем: кого в гуманитарный, дураков – в «Г», **и ла-ла-ла**. В роли цетеры активно функционируют междометные фразеологизмы: Эта пицца богата белком, йодом **и еще черт знает чем** (Н. Рубанова. Патология короткого рассказа); Что за гадство – каждый день **то тысячи нет, то черт знает что!**; То вещи пропадают, **то черт знает что!**; Пошла за хлебом, состав остановился, **и черт знает что!**

Многолико проявляет себя цетера в художественном тексте. Например, у В. Маяковского она является показателем идиостилия, выполняя различные худо-

жественные функции. Так, с ее помощью поэт стилизует, пародируя, форму «царевых манифестин»: *И свистели / в каждом / онемевшем месте / плéтищи / царевых / манифэстин. / Мы! мы! мы! / Николай второй, / двуглавый повелитель / России-тюрьмы / и прочей тартарары, / царь польский, / князь финляндский, / принц эстляндский / и барон курляндский, / издевающийся / и днем и ночью / над Россией / и крестьянской и рабочей... / и прочее, / и прочее, / и прочее...* (Корона и кепка) Ср.: *Божією милостію, мы, Николай Второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая.*

В поэзии И. Бродского, утверждающей, «что язык – последнее прибежище и спасение поэта» [Зубова, 2000, с. 351], цетера (*и т.д.; и т.п.; и т.д., и т.п.; и проч.; etc.; и под.*) также является показателем идиостиля наряду с другими сокращениями служебных слов русского языка: *В феврале чем позднее, тем меньше ртуті. / Т.е. чем больше времени, тем холоднее* (И. Бродский. Эклога 4-я (зимняя); *Города знают правду о памяти, об огромности лестниц в так наз. / разоренном гнезде, о победах прямой над отрезком. / Ничего на земле нет длинней, чем жизнь после нас, / воскресавших со скоростью, набранной к ночи курьерским* (И. Бродский. Bagatelle). «Бродский <...> сделал выдвижение служебных частей речи характерной чертой своей поэтики», – пишет Л.В. Зубова. И далее, со ссылкой на М. Крепса: «...новаторство Бродского в первую очередь обусловлено именно его решением использовать союзы в рифме – новаторство, которое волевым решением потянуло за собой и зашагивание. Другими словами, не сдвиг союза и решение писать анжамбеманами вызвало употребление составной рифмы с союзом, но рифма с союзом необходимо навязывала употребление анжамбемана» [Там же]. Сказанное справедливо и по отношению к словарю сокращений И. Бродского, в том числе к цетере, в том смысле что она может быть как в рифме, так и в зашагивании: *Аббатство привольно раскинулось на берегу реки. / Купы зеленых деревьев. Белые мотыльки / порхают у баптистерия над клумбою и т.д. / Прохладный английский полдень. В Англии, как нигде, / природа скорей успокаивает, чем увлекает глаз* (И. Бродский. В Англии); *Природа научит их / тому, что сама в нужде / забурлила, как стих: / времени и т.д.* (И. Бродский. Сидя в тени); *И патетика жизни с ее началом, / серединой, редееющим календарем, концом / и т.д. ступенька вывешивается в виду / вечной, мелкой, бесцветной ряби* (И. Бродский. Сан-Пьетро). Цетера Бродского, в том числе консонатная (*т.д.; т.п.*), будучи слогаобразующей в произнесении, служит не только рифме, но и ритму стиха: *...Знаешь, на свете есть / вещи, предметы, между собой столь тесно / связанные, что, норвя прослыть / подлинно матерью и т.д. и т.п., природа / могла бы сделать еще один шаг и слить / их воедино* (И. Бродский. Элегия); *...водопровод, маршруты / сборщика податей, душевные катакомбы, / чья-то нитка, ведущая в лабиринт, и т.д. и т.п. – с пучком / дрока, торчащим из трещины посередине* (И. Бродский. МСМХСIV); *Что до женских фигур – нимф и т.п., – они / выглядят незаконченными, точно мысли* (И. Бродский. Примечание к прогнозам погоды).

Цетера оказалась последней рифмой И. Бродского в стихотворении «Август», единственном стихотворении, датированном 1996 годом. Американский издатель получил его по факсу из университетского городка Саут-Хедли (там Бродский регулярно жил и преподавал в одном из пяти колледжей Массачусетского университета) за неделю до смерти поэта: *Поэтому долго смеркается. Вечер обычно отлит / в форму вокзальной площади, со статуей и т.п., / где взгляд, в котором читается «Будь ты проклят», / прямо пропорционален отсутствующей толпе.* Рифмой *и т.п.* – толпе, оказавшейся смысловой («множество») и символической, И. Бродский простился с читателями, продлив себя в веках, поточках, толпе.

Цетера, наряду с перечислительным рядом, в состав которого она входит, от-

ражает особенности стиля, эстетические установки эпохи. Так, в средневековом стиле «плетения словес» (XIV–XV вв.) цетера, содержащая элементы неназванного множества, так же как и многочленный перечислительный ряд, созвучна философской идее исихазма о непознаваемости и неназываемости Бога. «Согласно учению исихазма, к имени Бога (и вообще к названию сущности чего-либо) можно лишь приблизиться, пробуя разные способы именованья» [Зубова, 2000, с. 335]. Например:

И ныне, Владыко, благослови, да воздохнув от сердца, и языком возлаголу Дионисия Ареопагита «О Божественных именованьях», что есть Тебе, Богу, присносущные имена истинные, еже есть близостные, и что виновные, сиречь похвалы. Сия суть сущие: Сый, Свет, Истинна, Живот. Только свойственных четыре, а виновных много, сия суть: Господь, Вседержитель, Непостижим, Неприступен, Трисиянен, Триипостасен, Царь славы, Непостоянен, Огнь, Дух, Бог, и прочая (Аввакум. Житие).

«Для современного познания мира важны подробности. Синонимы и перечисления теперь нужны не для того, чтобы постепенно уточнять понятия, а для того, чтобы выражать многообразие мира, равнозначность сущностей» [Там же, с. 336]. (Ср. у Б. Пастернака: *Не знаю, решена ль / Загадка зги загробной, / Но жизнь, как тишина / Осенняя, – подробна* («Давай ронять слова...»)). Сложность этого выражения скрывает в себе и цетера:

Не пчела, а рой / главное. Не иголка – стог! / Дерево, а не его листок. / Не солнце, если на то пошло, а вообще восток, / и т.п. (И. Бродский. Театральное); *Дальше – дивные дивы / времени, лишних дней, / скачек к финишу в шорах / городов и т.п.* (И. Бродский. Строфы); *Скользить по побережью Холодного моря... Скользить по... Быть безмянной... Чистой... Светлой... Самое главное – быть безмянной... Снять все маски, истечь слезами... Распластаться под криками чаек... Глубоко под землю зарыть свою страшную боль... Отнести за высокие горы, за дикие леса... Утонуть в море. Синем. Сером. Красном. Черном... каком угодно! Затонуть кораблем на дно, лежать не шевелясь. Обучиться языку дельфинов. Поумнеть капельку. Не прочитать ни строчки, не сказать ни слова, не сесть ни в один поезд. Не помечтать ни об одной иллюзии. Не поверить ни в одну идиллию. Загрустить – до чертиков, до русалок, до леших с ведьмами! – и встать, и пойти. И богу помолиться. Зардеться. Заалеть. Очиститься. Сделать промывание желудка. Выпить активированного угля. Не думать об истине и проч.* (Н. Рубанова. Патология короткого рассказа).

В художественном тексте цетера употребляется не только в авторском повествовании, но и в речи героев, выполняя характеризующую функцию и являясь одним из средств возрастной, социальной, национальной паспортизации героя (см. примеры из В. Пелевина, С. Каледина, В. Войновича, приводимые ранее).

Кроме основного текста, цетера может быть и в паратексте (раме, рамке произведения). Например, встречается она в заглавиях: персонажных (*Егор Булычов и другие; Достигаев и другие; Сомов и другие* М. Горького; *Я и прочее* В. Пьецуха; *Винни-Пух и все-все-все* А. Милна (в пересказе Б. Заходера); *Про коалу Ушастика, утконоса Тихоню и других* Л. Рииса (в переводе Н. Емельяновой), адресатных (*Послание Борису и «прочим рабам Бога Вышняго»* Аввакума), тематических (*О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах; Про Госторг и кошку, про всех понемножку* В. Маяковского). (См. также заглавия научных статей: Фурашов В.И. *О значении конструкций с предлогами «кроме», «помимо» и другими*; Жолковский А.К. *Графоманство как прием (Лебядкин, Хлебников, Лимонов и другие)*; Хан-Пира Эр. *Англоязычный, франкоязычный, русскоязычный и другие*; Он же. *КПД, ПТУ, МВТУ и другие*; Булыгина Т.В. *Я, ты и другие в русской грамматике*) Цетера органична в избранном: М. Горький. *Макар Чудра и другие рассказы; Житие Аввакума и другие его сочинения*; Э. Риу. *Польщенная летаю-*

щая рыба и другие стихи; Жолковский А.К. *Блуждающие сны и другие работы*.

В заглавии художественного произведения она выполняет различные функции. Например, у В. Пьецуха (прозаический цикл *Я и прочее*) служит выдвиганию героя на фоне подробностей бытия. В этом смысле цетера модальна. Имеется у нее и структурообразующая функция: *прочее* во внешнем заглавии перекликается с заглавиями внутренними (внутренней рамкой) текста: «*Я и прочее*» – это «*Я и море*», «*Я и потустороннее*», «*Я и дуэлянты*», «*Я и перестройка*». Перечисленное представляет литературный жанр фрагмента, организованный в цикл, и цетера оказалась органичной жанру, обнаруживая взаимосвязь относительно самостоятельных частей, их подчиненность единому замыслу произведения.

Уместна цетера и в таком компоненте паратекста, как примечание, отступающем от образной ткани повествования и приближающемся к информационному типу текста и научному стилю изложения, чтобы избежать, в частности, читательского «упрека недостоверности» (И. Бродский). Например, Примечания А.С. Пушкина к «Евгению Онегину»: *Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами* (примечание 13 к строке «Ее сестра звалась Татьяна...»), *Пародия известных стихов Ломоносова: «Заря спокойною рукою / От утренних спокойных вод / Выводит с солнцем за собою», – и проч.* (примечание 34 к строкам *Но вот багряною рукою / Заря от утренних долин / Выводит с солнцем за собою / Веселый праздник именин*).

Естественна цетера и в предтексте: черновиках, набросках, планах художника слова, где она обнажает сгусток мысли или творческую мысль в ее зачатке, мысль неродившуюся, неоформившуюся, выдавая аванс на ее будущее развитие. Например, подготовительные материалы Ф.М. Достоевского к «Бесам»: *22 января /3 февраля <1870> Т.Н. Гр(а)новский. <...> 55 лет. Литературные воспоминания. Белинский, Грановский, Герцен (А. и Б. «Охота тебе с таким дураком говорить»).* Тургенев *и проч.* <...> (Воспитанница) *стала рассказывать Ш<атову> об их любви, как встретились – подробности и проч.* <...> *Ст<удент> резко и отрывочно излагает несколько мнений насмешливых, между прочим о плаксивой бабе и т.д.* <...> (Смерть Ш<атова>, клевета на жену *и т.д.*) <...> *Гр<ановский> покраснел: «Разве я их (бывших жен) забыл? И если я женат, то каждый раз после слишком долгих промежутков, когда уже утомилось и устало сердце страдать, хотя и не закрывалась никогда прежняя язва». – И т.д. И т.д. Но кончилось тем, что ты женился и оправдываешься только тем, что после долгого срока.*

В художественном тексте цетера пытается конкурировать с другими континуаторами перечислительного ряда: многоточием, тире (его устаревшим вариантом), отсутствием точки при нулевой пунктуации как средствами метаграфемки: – *Я тебе вычеркну Симыча, а ты меня лишишь эликсира и будешь смотреть, как я старею, седею, теряю зубы...* (В. Войнович. Москва 2042); – *Когда-нибудь и этот текст закончится. Его допишут, подредактируют, покажут корректорам, пустят в печать...* (Н. Рубанова. Люди сверху, люди снизу); *Разумеется, у Черкасовых были друзья из высшего социального круга: Шостакович, Мравинский, Эйзенштейн...* (С. Довлатов. Куртка Фернана Леже); *Ведь я словно умер, и вот опять родился, учусь говорить, смотреть –* (А. Ремизов. Взвихренная Русь); *Ночью была гроза настоящая: сначала гром гремел, потом как запустит дождь – –* (А. Ремизов, там же); *прибываю с супругой / участвую в церемонии / обеспечиваю присутствие / произношу напутствие <...> не вижу продолжения / закрываю мероприятие / посылаю все к чертовой матери / осуществляю стихосложение* (Е. Бунимович. Исходящие).

Перечислительный ряд может быть продлен союзом при нулевой позиции

члена ряда, которая фиксируется многоточием или повторяющимся тире: *В самом деле, видит он (Сумароков) на полу свою шляпу, и — — —* (А.С. Пушкин. Table-talk); *— Не бывает так, понимаешь? Только в голливудских фильмах. И начальный капитал, и...* Ты, как домашнюю курицу, готовишь трагикомическую, приправленную клюквой утопию (Н. Рубанова. Люди сверху, люди снизу); *...неужели Все так? И родители? И бабушка с дедушкой? И тетя Женя с дядей Андреем, когда тот был еще жив? И...? И — вот ужас — и я?* (Н. Рубанова. Там же); *— Тебя же сватали, — продолжала Марья тоном ниже. — Елена Федосеевна — чем не жена? И хозяйка, и...* (С. Каледин. Коридор). См. также экспрессивный синтаксис Е.А. Земской в научном тексте: *В ней (в рецензии на фильм) можно видеть и эпатаж — указание на абсурдность (наречие «оземь» по нормам языка не сочетается со словами «с половиной», это соединение бессмысленно), и указание на то, что Араки не дотягивает до Феллини, и намек на перебор чувства, и...* (Е.А. Земская. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества).

В современных постмодернистских текстах поиск новых континуаторов выражается в вербализации пунктуационных средств метаграфимики: *Впрочем, всегдашняя Аннушкина тяга к удовольствиям Майи, про которую она тогда и слыхом не слыхивала, приносили и ей некоторые недетские проблемы, как-то: «контрацепция» <...> на втором курсе, трихомониаз <...> на третьем, запятая...* (Н. Рубанова. Люди сверху, люди снизу); *Вот и всё / Запятая / На пороге рая / Висит колокольчик / Точка / И звонят / Запятая / Идут группами и одиночки / Запятая / Грешные и не очень / Точка / Ни улыбок / запятая / ни слёз / запятая / было / запятая / есть / запятая / и всегда будет так / здесь / наверно / нужен вопрос / но я самонадеянно ставлю / восклицательный знак* (Шале, <http://musicforum.ru/index.php?showtopic=11245&st=420&p=207235&#entry207235>) Что до запятой, то она как знак перечисления становится основным синтаксическим знаком изменившегося ландшафта культуры, который стал представляться каталогом (перечислительным рядом) или энциклопедией, отменяющими ценности традиционного авторского искусства и его пунктуационный символ — восклицательный знак. Новая модель мышления выглядит как: *Моцарт, Бетховен, Бах и др.* вместо прежней: *Моцарт! Бетховен! Бах!*¹

В художественном тексте в структуре перечислительного ряда происходят изменения, связанные с сокращением членов ряда и появлением новых средств связи между ними. Изменения обусловлены близкой к формульной (схемной) записью ряда. Сокращение ряда происходит благодаря рациональной «упаковке» его членов с помощью окказиональных композитов, а также скобок и всяческого дефиса (относимых в [Гугунава, 2002, с. 602] к способам интерактивного словообразования), которые совмещают противоположные (в случае антонимов) и парадоксальные (если это паронимы или омонимы) сущности: *Он же сказал, что будет здесь всю ночь и, если она не против, станет ждать ее в шесть — когда клуб закроется — на улице... Она — социальная, культурно-контекстная, по- и постельная, (а) логичная и легкая на подъем, конечно, была не...* (Н. Рубанова. Люди сверху, люди снизу); *Сон без героя пуст и тёпл: / Калейдоскоп из(битых) стёкол / Авангардиста-наркомана* (Алиса, <http://www.poezia.ru/article/php?sid=48045>). Скобки здесь — это и знак препинания, и математический символ, требующий операции их раскрытия. Изменения отражают аналитический склад текста, выражающийся в разложении его элементов (в частности слов) на морфемы и звукокомплексы с использованием различных приемов лингвопластики: квантования, сращения, растяжения, сдвига и др. (см. об этом в [Штайн, 1994, с. 19-28]); демонстрируют вторжение элементов научного стиля в художественный.

Что касается формульных средств связи между членами перечислительного ряда, то это и иноязычная метаграфимики (*Похрапывает его плоть & кровь, бро-*

¹ См. об этом в: [Бакши, 2005, с. 193-202].

вью поводит, бормочет что-то (Н. Рубанова. Патология короткого рассказа), и символика из различных областей знания, предполагающая неоднозначное прочтение (*Анна сама не знает, чего хочет: Е₂ ли уже денег и известности, Е₄ ли ребенка* (Н. Рубанова. Люди сверху, люди снизу), и средства рубрикации (*Контингент клуба мало трогал ее, ведь ей всего лишь нужны были бабки, чтобы – пункт а) купить компьютер, и пункт б) снять квартиру* (Н. Рубанова, там же), и конъюнктивированное *плюс*¹ вместо соединительного *и*: *...Мы, восклицая «вон, / там!», видим сверху слезу / ястреба плюс паутину, звуку / присущую, мелких волн* (И. Бродский. Осенний крик ястреба); *В те годы Шурка – сначала прислуга, потом жена – целый месяц безмолвно обхаживала всех плюс еще Глашу* (С. Каледин. Коридор); *Фред сунул мне обрывок газеты и продолжал: – Тебя встретит Рымарь. Узнать его просто. У Рымаря идиотская харя плюс оранжевый свитер* (С. Довлатов. Креповые финские носки); *Чтобы действительно понять Набокова, нужно владеть по меньшей мере тремя основными европейскими языками плюс хорошим русским* (Н. Рубанова. Люди сверху, люди снизу).

Плюс переходит и в *цетеру*, в частности в разговорной речи: – *Любовь Николаевна, кого будем готовить (к награждению)? – Точно Кузнецова плюс другие. Подумаем; Возьмите (на олимпиаду) Маркину, Дубс плюс остальные, кто по сильнее.* Характерно, что обычный сочинительный ряд в разговорной речи мимикрирует под числовой, а числовой ряд при сложении – под обычный сочинительный: *Пять и три – восемь; Пять да три да два – десять.*

И так далее.

Литература

- Бакши Л. Другое пространство. Знамя. 2005. № 4.
- Гугунава Д.В. Окказиональная деривация в литературной критике: Интерактивность как знак постмодерна // Предложение и Слово. Саратов, 2002.
- Гугунава Д.В. Гендиадис – «шмендиадис» (О повторах-отзвучиях) // Русская речь. 2006. № 5.
- Левашова В.А., Смирнов О.В. Модифицирующие функции перечислительного ряда как фактора стилистической организации текста // Формально-семантические корреляции языковых единиц. Киев, 1989.
- Лукин В.А. Семантические примитивы русского языка. Основы теории. М., 1990.
- Петрунина С.П. Разговорные особенности *цетеры* в текстах разных функциональных стилей // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. Бийск, 2006.
- Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990.
- Рогожникова Р.П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову: Наречные, служебные, модальные единства. М., 1983.
- Словарь наречий и служебных слов русского языка / Сост. В.В. Бурцева. М., 2002.
- Словарь сокращений русского языка / Сост. Д.И. Алексеев, И.Г. Гозман, Г.В. Сахаров. М., 1963.
- Троицкий Е.Ф. *Цетера* – один из равноправных компонентов сочинительной конструкции // Современный русский синтаксис: Предложение и его членение. Владимир, 1994.

---

¹ Ср. с новообразованием нашего времени – производным предлогом *плюс к* [Цой, 2006, с. 86], который в [Словарь наречий и служебных слов, 2002, с. 444] имеет помету «разг.»: *Плюс к навалившимся заботам сам заболел и Заботы навалились плюс сам заболел.*

- Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М., 1974.
- Хроленко А.Т. Сеялки-веялки // Русская речь. 1972. № 4.
- Цой А.С Три этапа «жизненного цикла» производных предлогов // Филологические науки. 2006. № 5.
- Штайн К.Э. Гармоническая организация поэтического текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1994.
- Янко-Триницкая Н.А. «Штучки-дрючки» устной речи (повторы-отзвучия) // Русская речь. 1968. № 4.